

Кира ГОЛОВКО:

«Профессия, с которой вряд ли расстанусь»

На столе у Народной артистки России Киры Николаевны Головки лежит текст ее новой роли. «Ловите пьесу – она сейчас упадет! А мне уже тяжело встать на нее садиться». Кира Головки, урожденная Иванова, только что праздновала очень внушительный юбилей – свое 85-летие, а также 65-летие творческой биографии, почти целиком прошедшей на сцене МХАТ. Молоко в «Синей птице» Метерлинка в постановке К.Станиславского, Л.Сулержичского и И.Москвина, Наташа в «На дне» Горького в постановке Станиславского и Немировича-Данченко, Натали Пушкина в булаковских «Последних днях» в постановке В.Станицына и В.Торжкова, Параша в «Горячем сердце» Островского в постановке К.Станиславского, М.Тарханова и И.Судакова, Ольга в чеховских «Трех сестрах» в постановке Вл.Немировича-Данченко, Либуше в «Доме, где мы родились» Когоута в постановке В.Монокова, Турусина в «На всякого мудреца довольно простоты» Островского в постановке В.Станицына, Зинаида Саввишна в «Иванове» в постановке О.Ефремова, госпожа Пернель в мольеровском «Тартюфе» в постановке А.Эфроса.

Она и теперь – самая красивая женщина своего театра. Романтичная, нежная актриса с острейшим умом. Вдова советского адмирала Арсения Головки, пережившая такую большую любовь, какая не всем дается.

К Кире Николаевне совсем не хочется приставать с заковырившими вопросами. Пусть вспоминает, а мы запишем.

– Ну вот, оказывается, у меня большая творческая биография! Что-то намечалось и кончалось, намечалось и не получалось. А вот сейчас, когда Табаков, вдруг подарив мне обесцененную старость, стал готовить мой юбилей, выяснилось, что у меня масса ролей. Правда, некоторые из них я уже и не помню. МХАТ – такая огромная машина, жующая людей. Впрочем, Павел Александрович Марков – мы с ним очень подружились, хотя были и контры, когда он брался за режиссуру, – так вот он говорил, что во МХАТе не бывает нераскрытых актеров. Но это неправда. Там многие увяли, не раскрывшись. Старики – они были и более демократичны, и душевно открыты, а вот второе поколение – очевидно, что они были слишком задарены всякими премиями. Ведь когда ушли старики, театр сразу стал дробиться на кучки: кучка Станицынская, кучка Кедровская, кучка Ливановская, и актеры вокруг них ютились.

Моя биография меня поразила, когда напечатали этот список. Я ведь даже снималась, и немало! Кстати, мне приходили в голову мысли, когда я была помоложе, еще даже до замужества, что надо бы сыграть какую-то такую роль – как, скажем, Тарасова сыграла Анну Каренину. Какой это был взлет! Когда пришел Олег Николаевич и театр стал, в общем, политическим, я все думала: нет у меня ни одной роли, которая прославляла бы. Никогда не могла представить, что я пойду в литературную часть, постучусь и скажу: подыщите мне роль какую-нибудь, может, мне звание дадут. Хотя я знаю – многие ходили и утверждались, и предлагали. Звездные актрисы, их много.

А я никогда звездой не была. И как ни странно, самая маленькая роль в кино у Петра Наумовича Фоменко в телефильме «На всю оставшуюся жизнь» принесла мне столько писем и откликов совершенно неожиданно! Или в театре – я же играла большие роли, но вот ввелась в уже замызганный, давно идущий спектакль «Анна Каренина», и посыпались письма. Почему? Шут его знает. Это ведь украсило мою душу, но звездности никакой не могло придать.

В общем-то, я пришла во МХАТ необученной, хотя в 45-м году, когда ме-

ня вводили в «Горячее сердце», мне сказали: считайте, что вы закончили студию. Студия организовалась только в 43-м, а мы были особой группой. По понедельникам там всегда кто-то читал лекции – или Дживилегов, или Сахаровский. Играл Ойстрах или Гольденвейзер – помимо обучения. Нам преподавали сцендвижение, танец и, конечно, речь, речь, речь. У меня педагогом была Елизавета Фировна Саричева. Лихо она меня гоняла и исправляла – материалом я была абсолютно сырым.

Когда-то Нина Николаевна Литовцева, которая очень настороженно ко мне относилась, сказала, что у меня глухой голос. Я пришла в театр 38-

году и летом 39-го меня послали старшей пионервожатой в пионерлагерь. Это было ужасно! Я и до этого подрабатывала, когда училась в школе, а тут оказалась старшей. Я так боялась, что кто-то утонет в речке, так орала, что у меня образовалось два узла на связках. И пока я их не залечила, конечно, у меня был глухой голос! Потом вроде ничего.

Когда в 38-м году я пришла во вспомогательный состав, меня ввели во все массовые сцены, так что я изучила весь репертуар. Я очень увлекалась Хмелевым – он, конечно, казался мне первым актером. Добронравовым увлекалась, Ливановым – боже мой, ка-

кая труппа была! Четко существовали три героини: Тарасова, Еланская, Андровская. И чуть помоложе Степанова. Они, в общем, и распоряжались. Не сами – но через партком, через мужей. Все это помимо таланта, конечно. Все они были талантливы, каждая по-своему!

Мой папа был очень сильным, волевым человеком и только после его гибели я поняла, какая у них с мамой была трудная жизнь. Он погиб в ополчении, и я даже могилы его не знаю, нигде, ни в каких списках он не числится. Он мне все время говорил: главное, получи высшее образование! Я до-

вольно успешно принимала участие во всяких математических конкурсах, где-то побеждала, и он мечтал, чтобы я поступила в университет на мехмат. Сошлись мы только на том, что упаси бог театральное! Он говорил: ты всю жизнь будешь выносить подносы и говорить «кушать подано». Мне очень хотелось в Хмельевскую студию или в Симоновскую, но нигде не было приема. И я послушно отвезла документы в ИФЛИ. А потом сбежала во МХАТ.

А потом и оттуда сбежала, думая, что меня не приняли, рыдала трое суток. Только мама поехала, случайно встретила Массальского, осмелилась к нему подойти и он спросил: куда Кира исчезла? Ее взяли! Так что я и здесь была не на высоте.

Вспомогательный состав – это актеры для народных сцен. Тогда МХАТ славился атмосферой спектаклей, подлинностью, жизнеподобием. Скажем, в спектакле «Пушкин» лучшая картина была «на Мойке» – темнота, толпа, студент, вскочивший на столб и читающий стихи Лермонтова «На смерть поэта».

Была основная труппа, потом переменный состав и вспомогательный. Если ты проявишь себя, тебя переведут в переменный. Переменный? Это значит, тебя могут выгнать, отсеять – ежегодно присылали записочки от Владимира Ивановича и Константина Сергеевича с извинениями, что, мол, вы не подходите. Это было ужасно, хотя и на высоком уровне, интеллигентно. А если ты проявил себя в переменном и тебе дали роль, тебя перевели уже в основной состав.

Я пришла, когда еще не было студии и существовала потребность в молодой актрисе. Станицын сразу – по облику что ли – увидел, что из меня можно нарисовать Натали. Хмелев сначала совсем меня не признавал и прислал мне записку – отзыв на просмотр «На дне», где я играла Наташу. Он написал там фразу, над которой я долго рыдала: «Вам следует подумать о другой профессии».

Я никак не могла согласиться ни с Ахматовой, ни с Цветаевой. Они Натали Пушкину ниспровергали совершенно: она загубила Пушкина, она не годилась ему в жены. А ведь ее письма к брату замечательные – она так заботилась о Пушкине, раздобывала бумагу для него, рассказывала, как устают Пушкин, над чем он работает. Ахматова, Цветаева были даже не поэтессами, а поэтами, им она казалась ничтожеством... или просто они ревновали Пушкина к Натали. Вот, мол, прельстился ее красотой, а она дура душой, да еще сволочь при этом – изменяла ему. Хотя он, конечно, навставлял ей рога, неистовый арап.

Но помогла-то мне Мария Петровна Лилина. Она уже болела тогда, в театре я видела ее в маленькой роли матери Вронского, а один раз – в «Дядюшкином сне», в концертном исполнении. Она играла Карпунину – как огонь! В ее дом я попала случайно – ее внучка Киляля (Кирилла Романовна Барановская), долгое время воспитывавшаяся в Париже, прекрасно знала французский язык, а у меня было несколько фраз в разговоре с Дантесом. Нужен был хороший парижский разговор, и я отправилась к Киляле. На втором или третьем занятии вдруг раздался голос со второго этажа: «Киляля, ну-ка, приведи ее сюда!» Два огромных голубых глаза, очень хорошо причесана, очень приятное лицо – но я испугалась невероятно! Это я потом все разглядела, сначала только увидела костыли – у нее уже была отнята нога из-за саркомы. «Ты свободна? Мы французским позже займемся, а сейчас я хочу поговорить, познакомиться». У меня уже было несколько ролей, и Лилина сама предложила: «Давайте, будем разбирать ваши роли вместе со мной. Вы умеете фантазировать?» Я говорю: «Не знаю». И действительно, то, что она мне подсказывала, было единственным, что я могла после передать студентам. Дотошность в разборе биографии героини. Может, девяносто процентов пойдет в мусорную корзину, но зато внутри рождается что-то живое, подходящее именно к этой роли. Она начала с Наташи в «На дне», и ничего, оказывается, я не могла ей рассказать! На чем спит Наташа, в котором часу она просыпается, что она ест, как она ест? Лилина разбудила во мне желание, я ходила по улицам, все думала. У меня было полно Наташ: Наташа Суворова

Здравствуй и спасибо –